

“МОИ ДЕЙСТВИЯ НЕ ЗАСЛУЖИВАЮТ ТОГО, ЧТОБЫ Я БЫЛ РАССТРЕЛЯН...”: Г.И. БОРОВКА – ЗАКЛЮЧЕННЫЙ УХТПЕЧЛАГА (1932–1942)

© 2025 г. Е.Г. Застрожнова (Панкратова)

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Россия

E-mail: pankratova0484@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.05.2024 г.

После доработки 15.05.2024 г.

Принята к публикации 18.06.2024 г.

В отечественной историографии до настоящего времени оставался не изученным период десятилетнего заключения археолога и скифолога Г.И. Боровки в Ухто-Печорском лагере, к которому он был приговорен в ходе следственного процесса по “Академическому делу” (1930–1931 гг.). Неопубликованные ранее материалы из архива Отдела специальных фондов Информационного центра МВД по Республике Коми в г. Сыктывкаре и фондов Ухтинского музейного комплекса позволили восстановить подробности жизни и трагической гибели ученого в заключении (1932–1942 гг.). Преодолев зимой тяжелейший путь по этапу от Ленинграда до пос. Чибью, по прибытии в лагерь Г.И. Боровка был зачислен в состав геологической службы лагеря. Под руководством ведущего геолога Ухтпечлага Н.Н. Тихоновича он смог освоить новую для него профессию, став авторитетным специалистом в области изучения макрофaуны ухтинского девона. Несколько это было возможно, ученый продолжал и археологические исследования – благодаря сборам подъемного материала вдоль террас реки Ухты Г.И. Боровка открыл несколько мезолитических стоянок, которые включены в настоящее время в состав объектов археологического наследия Республики Коми. Опыт восстановления биографии представителей гуманитарной науки – заключенных лагерей ГУЛАГа – крайне важен для расширения источников базы и складывания научно-методической основы для дальнейших исследований, а также для формирования соответствующих коммеморативных практик.

Ключевые слова: история науки, архивные материалы, политические репрессии, мезолит, археологические раскопки, геология, палеонтология, Ухтпечлаг/Ухтижемлаг, ГУЛАГ.

DOI: 10.31857/S0869606325010143, **EDN:** BGGKIK

Период десятилетнего заключения Григория Иосифовича Боровки в Ухто-Печорском лагере (Ухтпечлаг, с 1938 г. – Ухтижемлаг), ввиду отсутствия доступа к соответствующим архивным документам, долгое время оставался неизученным. Основным источником информации по этому периоду в жизни ученого являются архивные материалы в составе Отдела спецфондов и оказания государственных услуг Информационного центра МВД по Республике Коми в г. Сыктывкаре (ОСФ и ОГУ ИЦ МВД по Республике Коми). Невосполнимой утратой является уничтожение по регламенту архивного законодательства СССР 1960-х годов личного дела Г.И. Боровки за период заключения в 1932–1940 гг. По этой причине для восстановления периода отбытия срока заключения использовались все доступные материалы из сохранившихся архивных дел, среди которых:

личное дело Г.И. Боровки – вольнонаемного сотрудника Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) за 1940–1941 гг. (Ф. 124. Оп. 49л/с. Д. 241); личное дело Г.И. Боровки – заключенного за 1941–1942 гг. (Ф. 66. ОП 1-п. Д. 58); групповое следственное дело на заключенного Г.И. Боровку и других лиц, 1941–1947 гг. (Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 1); контрольно-наблюдательное дело на граждан Преришова, Растопину, Цзю, Боровку, Низковского за 1941–1942 гг. (Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 2). Наиболее информативными для восстановления биографии из этого комплекса являются: автобиография Г.И. Боровки в деле вольнонаемного работника (10 октября 1940 г.), показания на допросах после второго ареста в ноябре-декабре 1941 г. и кассационная жалоба в Верховный суд РСФСР (8 апреля 1942 г.)

С целью получения информации о специфике и условиях функционирования отдельных лагерных пунктов (ОЛП), на территории которых мог работать Г.И. Боровка, были изучены документы по основной деятельности Ухтпечлага за 1932–1940 гг.: служебная переписка начальника управления Ухтпечлага НКВД (Ф. 121. Оп. 1п. Д. 969); предварительный отчет о работах Ухтпечлага ОГПУ за 1932 г. (Ф. 121. Оп. 1п. Д. 970); планы работ Ухтпечлага и переписка по их составлению за 1933 г. (Ф. 121. Оп. 1п. Д. 971); переписка с подразделениями Ухтижемлага за 1936–1939 гг. (Ф. 121. Оп. 1п. Д. 974); приказы по управлению Ухтижемлага за 1939 г. (Ф. 121. Оп. 1п. Д. 975); приказы по основной деятельности за 1940 г. (Ф. 121. Оп. 1п. Д. 976); приказы по основной деятельности за 1941 г. (Ф. 121. Оп. 1п. Д. 978).

По достоинству не оцененной остается роль Г.И. Боровки в археологическом, геологическом и палеонтологическом изучении Ухто-Печорского района Республики Коми (Зеленская, 2016; Волокитин, Волокитина, 2020). В фондах Ухтинского музеиного комплекса хранятся работы, выполненные участниками местного археологического кружка под руководством его основателя – археолога Т.А. Волковой, посвященные общим аспектам научной деятельности Г.И. Боровки на территории Ухты (Гаинцева, 1996). Также в музее сохранились воспоминания Елисея Ивановича Чуманова, бывшего учеником Г.И. Боровки примерно в 1939–1940-х годах, с которым он осуществлял сбор подъемного материала на территории пос. Ухты¹.

Важные сведения о жизни Г.И. Боровки в Ухте, а также о быте, условиях содержания и социальном составе заключенных Ухтпечлага были получены из воспоминаний бывших заключенных этого лагеря художника Льва Михайловича Премирова и сотрудника метеостанции Юрия Ивановича Чиркова (Премиров, 2019а, б; Чирков, 1991). Л.М. Премиров с 1940 г. был коллегой Г.И. Боровки по работе в ЦНИЛ и был арестован по тому же следственному делу. Его воспоминания о времени пребывания вместе с Г.И. Боровкой в камере смертников Ухтижемлага, а также трогающий до глубины души портрет являются чудом дошедшим до нас свидетельствами

¹ Выражаю благодарность сотрудникам Ухтинского музеиного комплекса зам. директора по фондовому работе Татьяне Леонидовне Корниловой и научному сотруднику Ирине Карловне Борисовой за помощь и содействие в ходе работы в фондах музея и на территории города, а также Татьяне Александровне Волковой за консультации при поиске материалов.

о перенесенных перед смертью страданиях невинно осужденного человека.

Согласно материалам архивно-уголовного дела, в составе Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, 7 октября 1931 г. Г.И. Боровка был приговорен к заключению в Ухтпечлаг сроком на 10 лет, куда он должен был отправиться с “первым отходящим этапом в г. Архангельск” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 82; Застрожнова, 2019. С. 154–166). 15 ноября 1931 г. Г.И. Боровка отбыл из Ленинграда и находился некоторое время в перевалочном лагере в г. Вологде, где его навещала несколько раз Е.Р. Малкина. 2 марта 1932 г. в письме к старшему брату Г.И. Боровки, Францу Иосифовичу, в Потсдам она пишет, что эта поездка была чрезвычайно грустной, увидеться они смогли только мельком и даже поговорить возможности не было (Zerbst-Boroffka, 2015. Р. 252). Сведений о том, в какой именно лагерь направлялся Г.И. Боровка, близким сообщено не было. Е.Р. Малкина предполагала, что, вероятно, он будет отправлен “куда-то за Печору”, куда она собиралась приехать, как только будет получена точная информация о будущем местонахождении (Там же. Р. 253). Примерно в начале декабря 1931 г. Г.И. Боровка был направлен с этапом в Архангельск, а оттуда уже в поселок Чибью, который являлся центром образованного в 1931 г. ИТЛ Ухтпечлаг (рис. 1) (Морозов, 1997. С. 21).

История Ухтпечлага берет свое начало с Ухтинской экспедиции ОГПУ, первая партия которой состояла из 125 заключенных (в составе инженеров, геологов и др.), высадившихся 21 августа 1929 г. на берег р. Чибью под руководством капитана ГБ С.Ф. Сидорова (Максимова, 2017. С. 37). Первый лагерный пункт под названием “база Ухтинской экспедиции ОГПУ” (ОЛП № 1) стал впоследствии “образцовым” пунктом, поражавшим своими условиями заключенных, прибывавших из других пересыloчных лагерей (рис. 2). В октябре прибыла вторая группа, в составе которой был руководитель геологической части Н.Н. Тихонович². В задачи экспедиции входили: оценка промышленного значения Ухтинского нефтяного месторождения, разведка на предмет

² Тихонович Николай Николаевич (1872–1952), геолог, специалист в области изучения месторождений нефти, газа и угля. В октябре 1928 г. был арестован по “Делу Геолкома”, приговорен к высшей мере наказания, но приговор был заменен на 10 лет заключения. Во время следствия ему было предложено возглавить геологическую часть Ухтинской экспедиции, проект которой он составлял в камере Бутырской тюрьмы (Гараевская, 2009. С. 20).

Рис. 1. Пос. Чибью. Общий вид промысла № 1. 1 июля 1933 г. Фото М.Б. Едемского. СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1 Д. 308 Л. 21.

Fig. 1. Chibyu. General view of the oilfield No.1. July 1, 1933. Photo by M.B. Edemsky. SPbF ARAN. F. 75. List. 1 Case. 308 P. 21

нахождения и глубины залегания нефти и газа в Ижемском и Печорском районах, выявление источников радиоактивных вод, разведка угольных залежей в Воркуте. Отдельные лагерные пункты разрастались по мере открытия участков новых месторождений вдоль течения рек Ухты, Вычегды, Ижмы и Яреги.

Известно, что этапы заключенных прибывали в Архангельск на пароходах, после чего в течение трех-четырех дней на баржах переправлялись по рекам Северная Двина и Вычегда до села Усть-Вымь, откуда направлялись пешком по тракту до поселка Чибью. Село Усть-Вымь находится в 225 км от Ухты, строительство тракта началось в конце 1929 г. Для организации строительства примерно на каждом 20–30-м км тракта находились ОЛП, где заключенные размещались в армейских палатах при морозах до -40° . Следовавшие из Усть-Выми в Чибью этапы делали

остановки на данных пунктах, что позволяло им дойти до места назначения в среднем за 12 дней. По прибытии в Чибью качественный состав рабочей силы определялся квалификационной медкомиссией Ухтпечлага, после чего заключенных распределяли на четыре категории, в зависимости от состояния здоровья. Первые три категории распределялись по различным видам общих работ, последнюю, четвертую категорию, составляли “слабкоманды” – заключенные, умирающие от дистрофии, пеллагры и туберкулеза, различных воспалений и обморожений, полученных в пути³. На основании данных из следственного дела, этап, в составе которого был Г.И. Боровка, прибыл в Чибью 8 февраля 1932 г. (ОСФ и ОГУ ИЦ МВД. Ф. 66. ОП 1-п. Д. 58. Л. 27).

³ Согласно справке о медосмотре, у Г.И. Боровки был ампутирован большой палец на правой ноге, вполне возможно предположить, что причиной тому стало обморожение.

В автобиографии он отмечает, что прибыл в поселок в марте и “беспрерывно отбывал срок, работая в системе геологической службы Ухтижемлага под руководством старшего геолога Н.Н. Тихоновича, сначала работником геологического сектора Управления лагеря, а потом и заведующим геологическим музеем”. Основным направлением работ Г.И. Боровки стало изучение девонской макрофaуны, “что привело к поручению мне этой работы в центральной геологической лаборатории, где мною и выполнялись с момента основания функции палеоэтнолога-макрофауниста по девонской фауне и подготовлены были работы по палеоэтнологической стратиграфии ухтинского девона” (Там же. Ф. 124. Оп. 49л/с. Д. 241. Л. 6).

В 1932 г. управлением Ухтпечлага было принято постановление об учреждении двух техникумов для получения кадров высшего и среднего персонала, необходимого для освоения открываемых месторождений (Там же. Ф. 121. Оп. 1д. Д. 969. Л. 14). В план 1933 г. была включена постройка в пос. Чибью здания техникума (рис. 3) и двух общежитий – одного для слушателей, другого для преподавателей⁴ (Там же. Л. 32). В 1934 г.

⁴ В августе 1933 г. к Г.И. Боровке в Чибью приехала Е.Р. Малкина и пробыла у него неделю, что говорит о том, что у него уже могла быть своя комната в общежитии. В письме к Францу Иосифовичу она писала, “что внешне он изменился не сильно, только поседел...по мере возможности пытается заниматься наукой, работая в области геологии, у него прекрасные коллеги”. Важно отметить, что в декабре 1932 г. в семье скончалась мать, Агнесса Францевна, однако сообщить ему это известие Е.Р. Малкина не смогла, хотя собиралась, “но как только увидела его, поняла, насколько это будет ужасно и рискованно, оставляя его с этой новостью при его теперешней нервной слабости” (Irene-Zerbst, 2015. Р. 264). Крайне значимо здесь упомянуть, что с августа 1931 г. по февраль 1933 г. в Ухтпечлаге находился в заключении выдающийся византирист В.Н. Бенешевич (1874–1938). В лагере он занимался вопросами ухтинской нефти и Н.Н. Тихонович в письме к нему в Ленинград от 5 ноября 1933 г. писал, что “передает вместе с Катериной Романовной Малкиной сведения о порядке работы с материалами Ухтпечлага” (СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 172. Л. 4, 5). Можно предположить, что В.Н. Бенешевич также работал под руководством Н.Н. Тихоновича и вполне мог встречаться в лагере с Г.И. Боровкой и Е.Р. Малкиной. Летом 1934 и 1935 гг. Е.Р. Малкина также собиралась навестить Г.И. Боровку, однако воспрепятствовали этому ее собственная болезнь и сложности с получением разрешения на приезд в лагерь. Семья она сообщала, что получает от него письма с “плохими новостями: его здоровье не очень хорошее, и, в основном, он теряет самообладание, поскольку он ожидал перемен в своей судьбе, и никаких перемен вообще не произошло”. В январе 1935 г. он сообщал, что “чувствует себя лучше и настроение у него лучше. Плохим остается его общее состояние и ноги”. 17 февраля 1935 г. датируется последнее письмо Е.Р. Малкиной к Францу Иосифовичу, который вскоре скончался от рака легких. Судя по данным

Г.И. Боровка получил должность преподавателя немецкого языка, и в этом же году им, совместно с другим сотрудником геологического музея Н.Г. Порфиридовым, была подготовлена и представлена лагерному начальству выставка, “отразившая геологию края и историю его геологического исследования”. Однако вскоре она была закрыта “ввиду отсутствия постоянно закрепленного за музеем помещения” (Там же. Ф. 124. Оп. 49л/с. Д. 241. Л. 8). С 1937 г. Г.И. Боровка преподавал в Горном техникуме и курсовой сети Ухтижемлага минералогию, петрографию, физическую геологию, палеонтологию, историческую геологию и геологию СССР (Там же. Л. 7). Среди его учеников были как заключенные, так и вольнонаемные слушатели. Один из них, Е.И. Чуманов, вспоминал его как “высокого худощавого пожилого человека с больными ногами”. Другие коллеги, З.В. Шпикаина и А.А. Савина, характеризовали его как “пожилого, очень больного и не общительного человека” (Гайнцева, 1996).

Продолжал Г.И. Боровка в меру возможностей и прерванные научные исследования, начало которым было положено еще во время работы в ГАИМК. Как он отмечал, “еще до первого ареста я разрабатывал вопрос о правильном понимании термина «азиатский способ производства», здесь в лагере я продолжил эту работу. В результате мною была написана работа объемом примерно в 10 печатных листов под заглавием «Азиатский способ производства и способ производства азиатских обществ по Марксу». Эту работу я представил в конце 1934 г. руководству лагеря для переотправки через ГУЛАГ в ГАИМК. Никакого ответа я не получил” (Там же. Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 1. Л. 28). Летом 1937 г. он попытался еще раз направить на “большую землю” другую работу по этой же теме. По его свидетельству, события, предшествующие этому, были следующими: “в январе 1937 г. в печати были опубликованы материалы правительственной комиссии по учебникам истории. В связи с этим в «Правде» или «Известиях» была напечатана директивная статья члена этой комиссии Карла Радека. В этой статье указывалось как на недостаток..., что вопрос об азиатском способе производства остался не разрешен. Я и надумал написать К. Радеку (хотя он мне совершенно не знаком), письмо с кратким изложением своей работы, надеясь, что это может повлиять на мою дальнейшую судьбу, если заинтересуются моей работой”.

из протоколов допроса Г.И. Боровки, переписка с Е.Р. Малкиной продолжалась и далее, однако семья получала теперь крайне отрывочные сведения о его жизни и судьбе уже из официальных источников.

Рис. 2. Дома Управления Ухто-Печорского треста ОГПУ. 1 июля 1933 г. Фото М.Б. Едемского. СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1 Д. 308. Л.21б.

Fig. 2. Houses for management accommodation of the Ukhta-Pechora OGPU association. July 1, 1933. Photo by M.B. Edemsky. SPbF ARAN. F. 75. List. 1 Case. 308. 21b

Это письмо Г.И. Боровка отдал начальнику лагеря, а его копию он частным образом попросил отвезти Н.Н. Тихоновича, освободившегося из заключения, в Ленинград и передать Е.Р. Малкиной. В сопроводительном письме он просил ее, “если она найдет какие-нибудь пути к Радеку, посодействовать прохождению и рассмотрению этого письма...” Но вскоре начались процессы, в которых сам К. Радек был осужден, и письма не получили никакого движения⁵ (Там же. Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 1. Л. 31).

⁵ Упоминается также еще об одной нелегальной попытке отправить Е.Р. Малкиной осенью 1939 г. через заведующую лабораторией ЦНИЛ М.А. Кирсанову научную работу “Заметки о Коми языке”. Отправка была обусловлена тем, что в связи с ужесточением режима Ухтижемлага, осенью 1939 г. Г.И. Боровка как заключенный “подлежал изоляции в зону лагерного пункта” (ОСФ и ОГУ ИЦ МВД. Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 1. Л. 32-32 об.). Информация о том, смогла ли Е.Р. Малкина получить эти письма, отсутствует.

Удавалось ему проводить и археологические исследования: “*В порядке личных работ мною за эти годы была собрана в районе пос. Ухта небольшая, но интересная археологическая коллекция, дающая возможность увязать следы жизни первобытного человека каменного века и более поздних наследников края с геологической историей района за четвертичное время, выражаящейся в изменении русла реки Ухты*” (Там же. Ф. 124. Оп. 49л/с. Д. 241. Л. 6). Е.И. Чуманов, участвовавший в сборе и формировании данной коллекции в 1990-е годы, сообщил местным музеинм сотрудникам, что подъемный материал они собирали в районе Детского парка, улицы Пушкина и территории городского лесного питомника. Детский парк территориально располагается на высокой 15-метровой террасе левобережья

Рис. 3. Пос. Чибью. Члены Печорской бригады АН СССР у дома Профтехникума. 1 июля 1933 г. Фото М.Б. Едемского. СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 308. Л.21а.

Fig. 3. Chibyu. Members of the Pechora brigade of the USSR Academy of Sciences at the house of the Vocational School. July 1, 1933. Photo by M.B. Edemsky. SPbF ARAN. F. 75. List. 1 Case. 308. P. 21a

р. Ухты⁶. История застройки парка началась в 1934 г. со строительства Дома пионеров, который был достроен к 1937 г., вполне очевидно, что сбор подъемного материала осуществлялся именно в период застройки этого участка. Геолог Г.А. Чернов в 1955 г. посетил Ухтинскую стоянку в районе Детского парка⁷. Он отмечал, что

сотрудники ЦНИЛ (бывшие коллеги Г.И. Боровки), О.А. Солнцев и Т.Г. Карасик, передали ему находки с территории данной стоянки (Чернов, 1956. С. 111–113). Есть основания считать, что эти материалы были сданы Г.А. Черновым вместе с предметами из своих раскопок в ГИМ, где они в настоящий момент и находятся (рис. 4). Часть коллекции вполне могла остаться на территории Ухты и находиться в настоящее время в “Музее природы земли” в составе Ухтинского музейного комплекса, однако атрибутировать предметы из сборов Г.И. Боровки

⁶ Л.М. Премиров упоминал, что Г.И. Боровка “откопал на берегу реки некоторые предметы с признаками скифского стиля” (Премиров, 2019б. С. 116).

⁷ Важно отметить, что в “Атласе археологических памятников Большеземельской тундры”, составленном Г.А. Черновым, стоянка Ухтинская не была учтена. В 1994–1995 гг. участники археологического кружка “Ермак” под руководством Т.А. Волковой совместно с Е.И. Чумановым, А.В. Багинным, Н.Н. Чесноковой и О.И. Шевчик совершили обход участков, на территории которых осуществлялся сбор ПМ

Г.И. Боровкой. На изучаемых площадях зафиксированы стоянки, датируемые V–III тыс. до н. э. Памятники были нанесены на археологическую карту как “Ухтинская стоянка”, поселения Ухта-II и Ухта-IV (Гайнцева, 1996. С. 2).

Рис. 4. Ухтинская стоянка. Найдки Г.А. Чернова 1954 г., среди которых массивная ножевидная пластина и заготовка орудия из коллекции Г.И. Боровки. ГИМ. 1897/38, 1897/40.

Fig. 4. The Ukhtinskaya site. The finds of G. Chernov made in 1954, including a massive knife-shaped plate and a blank tool from the collection of G. Borovka. SHM. 1897/38, 1897/40

не представляется возможным, ввиду полного отсутствия учетной документации 1930-х годов. В 1938 г. на основании имеющихся археологических и геологических материалов Г.И. Боровкой был подготовлен план краеведческой выставки, которую планировалось устроить в Доме культуры. План был одобрен начальником политического отдела Ухтпечлага, но реализован не был “ввиду нехватки средств, хотя большой материал был подготовлен и собран” (Там же. Ф. 124. Оп. 49л/с. Д. 241. Л. 7).

21 сентября 1940 г. истек срок десятилетнего заключения и, согласно сведениям из справки об освобождении (рис. 5), местом жительства Г.И. Боровки был избран город Калуга, однако он остался в Ухте, вероятно, стремясь продолжать начатую научную работу. 10 октября 1940 г. им было подано заявление об оформлении в качестве вольнонаемного на должность палеонтолога-макрофауниста в ЦГЛ. На заявлении стояла резолюция начальника геологоразведочной конторы в отдел кадров Ухтижемлага: “Г.И. Боровке необходимо для окончания и подведения итогов многолетних работ по палеонтологии и стратиграфии

Ухтинского девона временно оставаться на работе в ЦГЛ до 20 ноября сего года, после чего он будет вовсе освобожден от работ в Ухтижемлаге” (Там же. Ф. 124. Оп. 49л/с. Д. 241. Л. 7). Официально договор был заключен сроком на два года, с окладом 1200 рублей. В декабре 1940 г. работа по научной теме “Девон 3-го нефтепромысла” была завершена, однако Г.И. Боровка был оставлен в должности до мая 1941 г. (Там же. Л. 8)⁸.

Свою встречу с Г.И. Боровкой (рис. 6) Ю.И. Чирков описывал так: “в конце декабря (1940 г.) к нам зашел Георгий Осипович Боровко – крупный геолог. Он недавно закончил срок,

⁸ В составе электронного архива Росгеолфонда имеются отчеты Г.И. Боровки за 1940 и 1941 г.: “К вопросу о литологической и палеонтологической стратификации пестроцветного горизонта нефтеносной свиты девонских отложений Ухтинской антиклинали”; “Об условиях образования песчаных пластов поддоманиковых толщ Ухтинского девона и, в частности, галечниковой залежи месторождения нефтепромысла № 2 (эскиз истории Девонского моря на Ухте)”; “Корреляция поддоманиковых отложений Ухтинской и Седь-Йольской структур”; “К вопросу о фации отложения доманика на Ухте”. Очевидно, что Г.И. Боровка составлял геологические отчеты и до 1940 г., однако положение заключенного не позволяло указывать его авторство в отчетной документации.

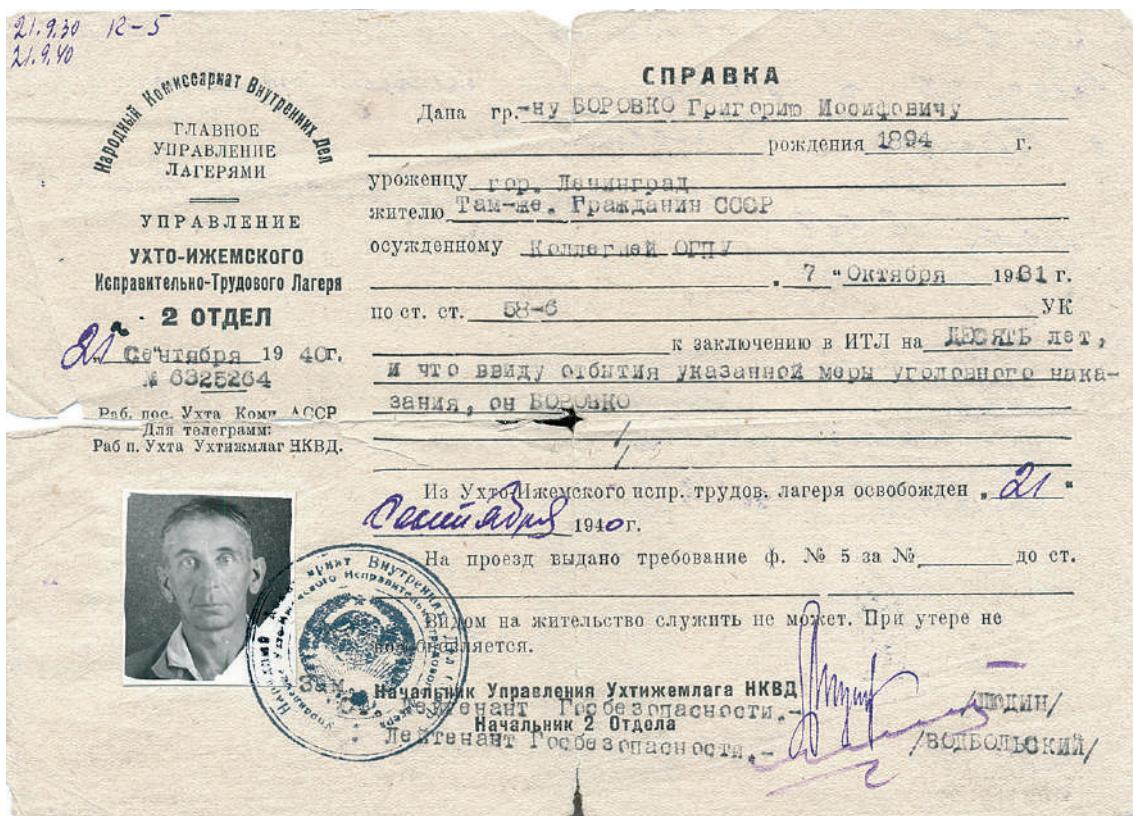

Рис. 5. Справка об освобождении Г.И. Боровки из Ухтижемского лагеря. 21 сентября 1940 г. Подлинник. Фонды Ухтинского музеяного комплекса. Публ. впервые.

Fig. 5. Certificate of G. Borovka's release from the Ukhtizhem camp. September 21, 1940 The original. The funds of the Ukhta Museum complex

Рис. 6. Г.И. Боровка – вольнонаемный работник ЦНИЛ Ухтижемлага НКВД. Фото, октябрь 1940. Опубл.: Zerbst-Boroffka, 2015. Р. 274.

Fig. 6. G. Borovka – an employee of the Central Committee of the Ukhtizhemlag of the NKVD. Photo. October 1940. Publ. in Zerbst-Boroffka, 2015. P. 274

но остался работать в ЦНИЛ, расположенной на одной территории с домиком гидрометеослужбы. Боровко был австрийцем, но долго жил в России, участвовал в экспедициях Ферсмана⁹. Он отозвал меня в коридор и сообщил, что порекомендовал меня одному из лагерных начальников в качестве репетитора для его сына по немецкому языку” (Чирков, 1991. С. 286). Участвовал Г.И. Боровка вместе с Ю.И. Чирковым и в совместном выезде по обследованию течений рек Ухты и Ижмы в июне 1941 г. Вернувшись из этой поездки они 21 июня 1941 г. и на следующее утро “были разбужены громкоговорителем и голосом Левитана, который объявил о нападении Германии – «могут начать нас расстреливать» – сказал профессор А.И. Мацейно” (Чирков, 1991. С. 309). По свидетельству Г.И. Боровки, “начавшаяся война вызвала

⁹ Вероятно, имеется ввиду работа в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова (1924–1926), в состав Комиссии по рассмотрению отчетов которой входил А.Е. Ферсман.

во мне страх за свою судьбу, как бывшего заключенного и немца по национальности, я предполагал неизбежность репрессий в отношении меня и других бывших заключенных. Об этом я имел суждения с А.И. Мацейно и З.И. Цзю, жившим со мной в одной комнате, вполне разделявшим мои опасения и высказывающим свои намерения уйти в тайгу и там прожить период войны”. Отмечал он также и то, что “в начале войны мою квартиру несколько раз посещал художник геологической лаборатории Л.М. Премиров, с которым я вел разговор касательно войны”. Осенью 1941 г. в Ухту вернулся из Ленинграда бывший заключенный Ухтпечлага и знакомый Г.И. Боровки – П.Л. Низковский, который временно остановился в его комнате и с которым они обсуждали положение дел на Ленинградском фронте. Вскоре начались вызовы в СИЗО Ухтижемлага близкайшего круга коллег Г.И. Боровки для дачи показаний о лицах, ведущих “антисоветскую агитацию”, а после стали проводиться и сами аресты (ОСФ и ОГУ ИЦ МВД. Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 1. Л. 24–27).

В следственном деле отсутствуют материалы оперативного характера, поэтому крайне сложно предположить, чьи именно показания стали причиной ареста Г.И. Боровки¹⁰. Постановление об избрании меры пресечения в виде заключения в СИЗО было подписано 5 ноября 1941 г. начальником следственного отделения Оперативно-чекистского отдела Ухтижемлага – А.М. Филимоновым¹¹ (Там же. Ф. 66. ОП 1-п. Д. 58. Л. 2). В ходе обыска по адресу ул. Набережная, д. № 5, кв. 2 были изъяты: два блокнота с записями, переписка (очевидно, там и были письма К.Р. Малкиной за период 1931–1941 гг.), военный билет, паспорт, справка об освобождении из лагеря и деньги в размере 2 тыс. рублей. 22 ноября из комнаты Г.И. Боровки на склад Комунахоза Ухтижемлага были вывезены все оставшиеся вещи: кровать, подушки, лампы, шторы, одежда, обувь, посуда, очки, лупа, портфель и книги (Там же. Л. 11). По воспоминаниям Е.И. Чуманова, утром Г.И. Боровка не пришел на занятия в техникум, студенты побежали к нему домой и нашли

¹⁰ Л.М. Премиров в своих воспоминаниях уверяет, что донос был написан ленинградским профессором-гидрологом А.И. Мацейно (Премиров, 2019б. С. 117). По материалам дела эту информацию нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

¹¹ Филимонов Александр Михайлович [?] – следователь Архангельского краевого НКВД, состоял в составе расстрельной команды, осуществлявшей приговоры тройки ПП ОГПУ Северного края [не позднее 1934 г.]; уполномоченный 3 части ОЛП Судострой [1935 – не позднее 1940]; начальник следственного отделения оперативно-чекистского отдела Ухтижемлага [не ранее 1940].

комнату опечатанной, а соседи рассказали, что ночью его увезли на машине НКВД.

Для проведения следствия Г.И. Боровка был заключен в СИЗО Ухтижемлага (рис. 7). Всего за период с 6 ноября 1941 г. по 6 февраля 1942 г. было проведено 19 допросов, в деле находятся протоколы только 6 из них¹². Допросы проводились преимущественно в ночное время суток следователем А.М. Филимоновым, которого под утро сменял [...] Мурвин.

Первый допрос был начат 6 ноября в 02.00 часа ночи и окончен 7 ноября в 04.00 часа утра. В ходе допроса проводилось уточнение сведений биографического характера и наличие почтовой связи с родственниками в Германии, на что был дан ответ, что в переписке ни с кем, кроме Е.Р. Малкиной, он не состоял. Следующий допрос состоялся 13 ноября, продолжался с 20.00 до 23.00 часов, протокол в деле отсутствует. Стенограмма следующего допроса за 17–18 ноября в деле имеется и состоит из одного вопроса и ответа: “Вы обвиняйтесь в контрреволюционной, дискредитирующей Советский союз деятельности, признаете ли себя виновным? – Виновным в предъявленном обвинении я себя не признаю, так как никакой антисоветской агитации я не проводил” (ОСФ и ОГУ ИЦ МВД. Ф. 66. Оп. 1-п. Д. 58. Л. 18, 18об.)

Протоколы допросов за последующие восемь дней в деле отсутствуют. Согласно направлениям, они проводились: 18–19 ноября (22.00–02.40, возвращение в камеру – 03.30), 20–21 ноября (10.30–05.15, возвращение в камеру 05.40), 21–22 ноября (22.00–04.30, возвращение в камеру – 05.30), 22–23 ноября (23.00–05.30, возвращение в камеру – 06.00), 23–24 ноября (21.40–04.30, возвращение в камеру – 05.00), 24–25 ноября (21.20–05.30, возвращение в камеру – 06.00), 25–26 ноября (21.50–05.15, возвращение в камеру – 05.30), 26–27 ноября (21.30–03.20, возвращение в камеру – 03.40). Таким образом, можно свидетельствовать о целенаправленном лишении сна в качестве меры давления на Г.И. Боровку для получения необходимых показаний. Сложно сказать, применялось ли в ходе этого “следствия” еще и физическое давление. В воспоминаниях бывшего заключенного ОЛП Судостроя М.М. Розанова содержатся упоминания о допросах, проводимых

¹² В составе следственного дела содержится редкая группа материалов – внутренние учетные документы по проведению следственного процесса в тюрьме, это “направления” на допросы к следователю, которые дают точные сведения о количестве допросов, времени их начала и окончания, а также о времени возвращения заключенного в камеру.

в отношении него А.М. Филимоновым. Следователь описан как мрачный, уверенный в своей правоте человек, “который не остановится перед выбиванием признаний кулаком”, однако по отношению к М.М. Розанову пыток не применялось, нет сведений, что пытали и других заключенных Судостроя¹³. Даже если предположить, что в отношении Г.И. Боровки не использовались меры физического давления, полное признание на допросе 27–28 ноября, который был к тому же прерван в 2 часа ночи (прибытие в камеру зафиксировано в 03.30), указывает на его крайне тяжелое состояние (ОСФ и ОГУ ИЦ МВД. Ф. 66. Оп 1-п. Д. 58. Л. 19–23). Показания на этом допросе начинаются со стандартной фразы, характерной практически для всех “признаний”: “Я убедился, что в распоряжении следствия имеется материал, уличающий меня в антисоветской деятельности. Осознав бесполезность дальнейшего запирательства, я решил искренне рассказать о своей антисоветской деятельности и осудить ее”. Антисоветская деятельность заключалась в “пораженческих высказываниях” и в том, что он “старался привить недоверие к советским судебным органам”, говоря о том, “что и он сам, и Н.Н. Тихонович были осуждены без достаточных на то оснований и по необоснованным приговорам оказались в лагере”.

Следующий допрос состоялся 29 ноября, был начат в 21.00 вечера и окончен 30 ноября в 02.00 ночи. Весь протокол состоял из описания разговоров между Г.И. Боровкой и его коллегами. После небольшого перерыва допрос был продолжен утром того же дня и длился с 12.00 до 17.00 (Там же. Л. 28–31). На протяжении декабря 1941 г. и января 1942 г. вызовов на допросы не было, последний протокол допроса в деле датирован 3 февраля 1942 г., в нем Г.И. Боровка заявил, что пропаганды контрреволюционных взглядов и организационной деятельности он не проводил (Там же. Л. 32–32 об.). 4 февраля 1942 г. состоялась очная ставка с З.И. Цзю, а 5 февраля – очная ставка с П.Л. Низковским, протоколы которых со взаимными обвинениями в дело подшиты. Протоколы допросов, проводившихся 4, 5 и 6 февраля, в деле отсутствуют¹⁴.

¹³ Отмечается, что А.М. Филимонов дважды сажал в карцер заведующего транспортом Судостроя за жестокое обращение с лошадьми. По свидетельству заключенных, выполняющих работы по уборке дома следователя, ночами он кричал от мучивших его кошмаров, о чем они потом рассказывали в лагере (Розанов..., дата обращения 23.04.2024).

¹⁴ 4 февраля 1942 г. ввиду жалоб на боль в желудке, сердце и почки было проведено медицинское освидетельствование Г.И. Боровки (ОСФ и ОГУ ИЦ МВД. Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 1. Л. 154).

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО	
ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
Фамилия	<i>Боровка.</i>
Имя и отчество	<i>Григорий Конисович</i>
Год и место рождения	Родился в 1894 году село Ленинград. <i>Угол Невской и Морской</i> область край
Постоянное место жительства до ареста (подробный адрес)	село пос Ухта р-н Ухтинск. город Ухтинский на берегах реки Кеми АССР. область край
Профессия и специальность	<i>Архитектор и Геометр.</i>
Последнее место работы или род занятий до ареста	а) учреждение <i>Ухтинская тюрьма</i> б) должность <i>Центральный научно-исслед. Институт научный сотрудник.</i> в) звание г) если не работает когда и откуда уволен

Рис. 7. Анкета арестованного. 6 ноября 1941 г. ОСФ и ОГУ ИЦ МВД. Ф. 66. ОП 1-п. Д. 58. Л. 5.

Fig. 7. The profile of the arrested person. November 6, 1941. OSF and OSU IC. F. 66. List 1-P. Case. 58. P. 5

5 февраля 1942 г. следственные мероприятия по делу были завершены, а 23 марта 1942 г. было составлено обвинительное заключение по ст. 58-10: "пропаганда пораженческих взглядов на основе антисоветской идеологии

и распространении клеветнических утверждений". 26 марта копия обвинительного заключения была вручена Г.И. Боровке, на следующий день он направил заявление в Верховный суд Коми АССР с просьбой о назначении адвоката

из Сыктывкара, оплату работы которого он предполагал осуществить за счет конфискованных при аресте денег (Там же. Л. 169). 4 апреля 1942 г. состоялось судебное заседание, на котором помимо адвоката присутствовали свидетели: Е.В. Конахевич, А.И. Мацейно, Н.А. Воронкова, Л.Л. Блюмин (заключенный ОЛП № 7), И.Г. Добрынин (сотрудник геологоразведочной конторы Ухтижемлага) и Н.Л. Мозовский (преподаватель курсов при Управлении Ухтижемлага) (Там же. Л. 119–121). Г.И. Боровка подтвердил показания, данные им на следствии и предъявленные ему обвинения, однако отметил, что показания в отношении П.Л. Низковского были неправильными, поскольку на него подействовал арест и “он был очень мрачен”. Суд нашел противоречия между показаниями Г.И. Боровки и его ответами на вопросы защиты и решил предоставить возможность ходатайствовать о предоставлении ему другого адвоката, на что тот ответил, что вовсе от него отказывается. Свидетели показали, что разговоры на geopolитические темы с Г.И. Боровкой у них были и “чувствовалось, что он на стороне Германии”. В своем последнем слове Г.И. Боровка попросил учесть его прошлую судимость. Прокурор Ухтижемлага выскзался за вынесение расстрельного приговора всем обвиняемым, защита просила учесть “все обстоятельства дела”. По итогу заседания все обвиняемые были приговорены к высшей мере наказания с возможностью подачи кассационной жалобы.

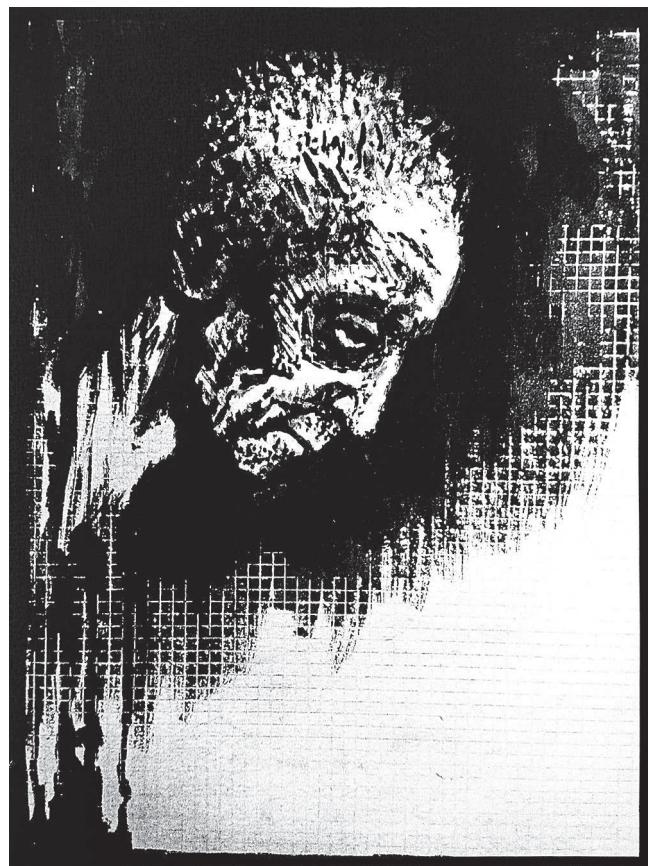
8 апреля в Верховный суд РСФСР была направлена кассационная жалоба Г.И. Боровки (Там же. Л. 85-85 об.). В ней указывалось, что “единственной моей виной, если это только уголовно наказуемо, является та симпатия, которую я питал к немецкому народу, немецкой культуре, то есть к той национальности, к которой я сам принадлежу по своему происхождению. Фашизм же я считал и считаю временным, преходящим явлением в общем историческом процессе, а следовательно, и в жизни немецкого народа”. Свои признательные показания он объяснял “влиянием отчаяния и сильного насилия со стороны следствия”, по причине чего он “исказил значение фактов и вплоть до суда не смог освободиться от этого психоза”. Относительно своей научной работы он отмечал, что “с годами мне довелось приобрести две специальности, археолога и геолога, и в обеих областях достигнуть заметных успехов. Оба раза мой арест обрывал работу, которая уже давала незаурядные результаты и обещала еще гораздо большего. В последнее время намечалось изменение наших представлений о геологическом строении южного

Тимана с практическими выводами в деле разведки нефти, газа и т.д. Я бы мог еще своей работой принести существенную пользу. Мои действия не заслуживают того, чтобы я был расстрелян. Прошу Верховный суд РСФСР или изменить мне меру наказания (подчеркнуто красным) или передать дело на новое рассмотрение” (Там же. Л. 85об.).

Кассационные жалобы были поданы и другими приговоренными. На судебном заседании 24 апреля 1942 г. определением судебной коллегии по уголовным делам было решено приговор ВМН оставить без изменений всем, кроме З.И. Цзю, заменив ему расстрел на 10-летнее заключение с поражением в правах на 5 лет.

Во время подачи и рассмотрения кассационных жалоб все обвиняемые находились в камере смертников Ухтижемлага, о пребывании в которой сохранились воспоминания Л.М. Премирова: “когда после вынесения нам четырем приговора о высшей мере наказания на суде, тянувшемся с 10 утра до 11 ночи, я подошел к Боровке и, дружески протянув руку, заговорил, он был потрясен и просиял от радости. Он был очень подавлен бойкотом Низковского и Цзю, считавших, что его саморазоблачение на следствии и суде ухудшило участь всех нас”. Все приговоренные находились в одной камере, которая описывалась следующим образом: “Загремел замок, дверь открылась, и мы вошли. Высоко под потолком одинокая лампочка лила желтый гнойный свет на беленые голые стены, на кучу грязного тряпья на полу. Куча медленно зашевелилась, над ней поднялись лица, они неподвижно смотрели на нас темными провалами глаз и на секунду я увидел бурое облако ужаса, тяжело повисшее над ними” (Премиров, 2019а. С. 311). Л.М. Премиров вспоминал, что “более чудовищного режима, в котором мы пребывали, я не испытывал ни раньше, ни позже, за все 16 лет лагерной жизни. Нам запрещалось передвигаться по камере, запрещалось дремать, запрещалось разговаривать. Даже шепот, услышанный коридорным надзирателем, был достаточен, чтобы лишить виновного на трое суток обеда и уменьшить пайку. Мы днями сидели в полумраке, не смея шелохнуться, разговаривая одними губами как глухие” (рис. 8). Находясь в нечеловеческих условиях, “Боровка рассказывал, как с экспедицией Козлова они находили богатые погребения, ... и я понял, насколько талантлив и глубок был этот человек” (Там же. С. 321).

После протеста председателя Верховного суда на вынесенный смертный приговор, состоялся еще один пересмотр дела и 10 июня 1942 г. судебная коллегия определила, что применение

Боровка.

Рис. 8. Г.И. Боровка в камере смертников, СИЗО Ухтижемлага. Апрель–май 1942 г. Опубл. Премиров, 2019б. Л.121.

Fig. 8. G. Borovka in a death row. April–no later than June 29, 1942. L. Premirov. 2019b. P. 121

высшей меры наказания к Л.М. Премирову и П.Л. Низковскому не “вызывается необходимостью”, в связи с чем протест был удовлетворен и приговор в отношении них был изменен на 10-летний срок заключения. 19 июня 1942 г. состоялось заседание Президиума Верховного суда, где рассматривалось ходатайство о помиловании Г.И. Боровки, однако суд постановил оставить приговор в силе. Расстрел был произведен 29 июня 1942 г. (ОСФ и ГУ ИЦ МВД. Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 2. Л. 199). “Все спаслись, кроме старика”, – сказал один из общих сокамерников Л.М. Премирову на одном из последующих северных этапов. На момент смерти Г.И. Боровке было 47 лет.

11 сентября 1957 г. состоялось заседание пленума Верховного суда РСФСР, на котором было пересмотрено дело в отношении Г.И. Боровки. Указывалось, что обвинение в проведении антисоветской агитации было основано лишь

на показаниях самого Г.И. Боровки, признавшего себя виновным после следственного давления. Осужденные виновными себя не признали и утверждали, что он оговорил их, что подтверждалось материалами дела. Отмечалось, что в своей последней жалобе Г.И. Боровка от всех данных им показаний отказался, а допрошенные в суде свидетели каких-либо данных, уличающих Г.И. Боровку в проведении антисоветской агитации, не дали. Учитывая это, пленум посчитал осуждение необоснованным, а дело подлежащим прекращению. Обвинения по первому делу о шпионаже 1931 г. были сняты 13 сентября 1989 г., Г.И. Боровка был полностью реабилитирован.

“Мы были поражены его судьбой” – так называлась тема одного из первых докладов, посвященных Г.И. Боровке на ухтинской конференции в конце 1990-х годов. Пожалуй, это самое точное определение того впечатления, которое остается при соприкосновении с судьбой этого человека, основным желанием которого было следовать избранному научному пути. Данная статья – пример достаточно редкого совпадения различных комплексов архивных документов и мемуарной литературы, которые, удивительным образом дополнив друг друга, позволили восстановить последние десять лет в жизни ученого, проведенных в одном из самых суровых северных лагерей – Ухтпечлаге.

В статье были использованы следующие архивные материалы:

– Бенешевич В.Н. Документы по отбытию заключения в Соловецком и Ухто-Печорских лагерях ОГПУ. 1929–1933 гг. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 194.

– Гаинцева О., Кирнаева О., Шукшина Н. Профессор Боровка Г.И. История археологического исследования Ухты: реферат на конкурс “К дням памяти жертв политических репрессий” / Рук. Т.А. Волкова. Ухта, 1996 // Фонд Ухтинского музеяного комплекса.

– Дело зк Г.И. Боровки и др. // Отдел специальных фондов и оказания государственных услуг Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Коми. Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 1.

– Контрольно-наблюдательное дело на гр-н Премирова, Растишину, Цзю, Боровко, Низковского // Отдел специальных фондов и оказания государственных услуг Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Коми. Ф. 55. Оп. 2-п. Д. 353. Т. 2.

— Личное дело на заключенного Г.И. Боров-
ку // Отдел специальных фондов и оказания
государственных услуг Информационного центра
Министерства внутренних дел по Республике
Коми. Ф. 66. Оп. 1-п. Д. 58.

— Планы работ на 1933 г. Ухтпечлага ОГПУ и переписка по их составлению за 11 янв. 1933-18 декабря 1933 гг. // Отдел специальных фондов и оказания государственных услуг Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Коми. Ф. 121. Оп. 1п. Д. 971.

– Приказы по управлению Ухтижемлага по основной деятельности за 16 янв. 1939-11 декабря 1939 гг. // Отдел специальных фондов и оказания государственных услуг Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Коми. Ф. 121. Оп. 1п. Д. 975.

— Служебная переписка начальника управления Ухтпечлага НКВД за 1 янв. 1931 — 14 июня 1938 гг. // Отдел специальных фондов и оказания государственных услуг Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Коми. Ф. 121. Оп. 1п. Д. 969.

— Тихонович Н.Н. Письма его к В.Н. Бенешевичу. Из Котласа, Чибью. 2 п. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 172.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волокитин А.В., Волокитина Н.А. Новая мезолитическая индустрия в бассейне р. Ижма: стоянка Ухтинская // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. Серия “История и филология”. 2020. № 5 (45). С. 53–57.

Гараевская И.А. Геолог Николай Николаевич Тихонович (1872–1952). М.: Рос. гос. ун-т нефти и газа им. И.М. Губкина, 2009 (Выдающиеся ученые Рос. гос. ун-та нефти и газа им. И.М. Губкина; вып. 69). 56 с.

Гурский Константин Петрович [Электронный ре-
сурс] // Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы.
URL: <https://vgulage.name/books/gurskij-k-p-sostavitel-a-i-galkin-konstantin-petrovich-gurskij/?ysclid=lv8o9i0ign620854776> (дата обращения:
03.03.2024).

Застрожнова Е.Г. “Я не верю, что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо...”: к биографии археолога Г.И. Боровки (по материалам следственного дела) // Российская археология. 2019. № 2. С. 154–166

Зеленская Е.А. Лагерное прошлое Коми края (1929–1955 гг.) в судьбах и воспоминаниях современников: материалы, документы, воспоминания, фотографии. 2-е изд. Ухта, 2016. 247 с.

Максимова Л.А. Освоение Европейского Северо-Востока в XX веке: учебное пособие. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т им. Питирима Сорокина, 2017. 84 с.

Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1997. 190 с.

Премиров Л.М. Исповедь художника Карлага. Алматы: Академия “Болашак”, 2019а. 495 с.

Премиров Л.М. Я вспоминаю. Караганда: Болашак-Баспа, 2019б. 183 с.

Чирков Ю.И. А было все так... М.: Политиздат, 1991.
393 с.

Zerbst-Boroffka I. Leben und Wirken des deutsch-russischen Forschers Gregor Boroffka (1894–1942). Briefe (1913–1935) an die Familie aus Russland nach Deutschland. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2015. 324 p.

“I DON’T DESERVE TO BE SHOT FOR MY ACTIONS...”:

G. BOROVKA – A PRISONER OF THE UKHTPECHLAG (1932–1942)

Evgenia G. Zastrozhnova (Pankratova)

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS, St. Petersburg, Russia

E-mail: pankratova0484@yandex.ru

Until the present, the period of the ten-year imprisonment of archaeologist and scythologist Grigory Borovka in Ukhta-Pechora/Ukhtizhem Camp (Ukhtpechlag) of the OGPU/GULAG in 1931–1941, to which he was sentenced during the investigative process of the “Academic case”, has remained unexplored in Russian historiography. Previously unpublished materials from the Archive of the Department of Special Funds of the Information Centre at the Ministry of Internal Affairs of the Komi Republic in Syktyvkar and the funds of the Ukhta Museum Complex in Ukhta made it possible to

restore the details of the researcher's life and tragic death in custody in 1932–1942. Having done the most difficult winter journey under guard from Leningrad to the settlement of Chibyu, upon arrival at the camp G.I. Borovka was enrolled in the camp's geological service. Under the guidance of the leading geologist of Ukhtpechlag N.N. Tikhonovich, Borovka was able to master a new profession to become a distinguished expert in the field of macrofauna of the Ukhta Devonian. Collecting surface material along the terraces of the Ukhta River, G.I. Borovka found several Mesolithic sites, which are currently included in the archaeological heritage of the Komi Republic. The experience of restoring the scientific biography of researchers in humanities – prisoners of GULAG camps is important for expanding the source base, scientific and methodological basis for further research and the formation of commemorative practices.

Keywords: history of science, archival materials, political repression, Mesolithic, archaeological excavations, geology, palaeontology, Ukhtpechlag/Ukhtizhemlag, GULAG.

REFERENCES

- Beneshevich V.N. Dokumenty po otbytiyu zaklyucheniya v Solovetskom i Ukto-Pechorskikh lageryakh OGPU. 1929–1933 gg. [Documents on serving sentences in the Solovetsky and Ukhta-Pechora camps of the OGPU. 1929–1933]. Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk [St. Petersburg Branch of the Archives of the RAS], F. 192, Op. 3, D. 194.
- Gaintseva O., Kyrnaeva O., Shukshina N., 1996. Professor Borovka G.I. Istorija arkheologicheskogo issledovaniya Ukrty: referat na konkurs "K dnyam pamyati zhertv politicheskikh repressiy" [Professor G.I. Borovka. History of the archaeological study of Ukrty: an abstract for the competition "For the Days of Remembrance of the Victims of Political Repression."]. Fond Ukrutinskogo muzeynogo kompleksa [Fund of the Ukrty Museum complex].
- Delo zk G.I. Borovki i dr. [The case of prisoners G.I. Borovka and others]. Otdel spetsial'nykh fondov i okazaniya gosudarstvennykh uslug Informatsionnogo tsentra Ministerstva vnutrennikh del po Respublike Komi [Department of Special Funds and Providing Public Services of the Information Centre at the Ministry of Internal Affairs for the Komi Republic]. F. 55, Op. 2-p, D. 353. T. 1.
- Kontrol'no-nablyudatel'noe delo na gr-n Premirova, Rastopinu, Tszyu, Borovko, Nizkovskogo [Monitoring and supervisory file of citizens Premirov, Rastopina, Tszyu, Borovko, Nizkovsky]. Otdel spetsial'nykh fondov i okazaniya gosudarstvennykh uslug Informatsionnogo tsentra Ministerstva vnutrennikh del po Respublike Komi [Department of Special Funds and Providing Public Services of the Information Centre at the Ministry of Internal Affairs for the Komi Republic]. F. 55, Op. 2-p, D. 353. T. 2.
- Lichnoe delo na zaklyuchennogo G.I. Borovku [Personal file of prisoner G.I. Borovka]. Otdel spetsial'nykh fondov i okazaniya gosudarstvennykh uslug Informatsionnogo tsentra Ministerstva vnutrennikh del po Respublike Komi [Department of Special Funds and Providing Public Services of the Information Centre at the Ministry of Internal Affairs for the Komi Republic]. F. 66, Op. 1-p, D. 58.
- Plany rabot na 1933 g. Ukhtpechлага OGPU i perepisika po ikh sostavleniyu za 11 yanv. 1933 – 18 dekabrya 1933 gg. [Working plans of the Ukhtpechlag OGPU for 1933 and correspondence on their compilation for 11 January, 1933 – 18 December, 1933]. Otdel spetsial'nykh fondov i okazaniya gosudarstvennykh uslug Informatsionnogo tsentra Ministerstva vnutrennikh del po Respublike Komi [Department of Special Funds and Providing Public Services of the Information Centre at the Ministry of Internal Affairs for the Komi Republic], F. 121, Op. 1p, D. 971.
- Prikazy po upravleniyu Ukrtyzhemlaga po osnovnoy deyatel'nosti za 16 yanv. 1939 – 11 dekabrya 1939 gg. [Orders for the administration of Ukrtyzhemlag on the main activities for 16 January, 1939 – 11 December, 1939]. Otdel spetsial'nykh fondov i okazaniya gosudarstvennykh uslug Informatsionnogo tsentra Ministerstva vnutrennikh del po Respublike Komi [Department of Special Funds and Providing Public Services of the Information Centre at the Ministry of Internal Affairs for the Komi Republic]. F. 121, Op. 1p, D. 975.
- Sluzhebnaya perepiska nachal'nika upravleniya Ukrtypechлага NKVD za 1 yanv. 1931 – 14 iyunya 1938 gg. [Official correspondence of the head of the NKVD Ukrtyzhemlag administration for 1 January, 1931 – 14 June, 1938]. Otdel spetsial'nykh fondov i okazaniya gosudarstvennykh uslug Informatsionnogo tsentra Ministerstva vnutrennikh del po Respublike Komi [Department of Special Funds and Providing Public Services of the Information Centre at the Ministry of Internal Affairs for the Komi Republic], F. 121, Op. 1p, D. 969.
- Tikhonovich N.N. Pis'ma ego k V.N. Beneshevichu. Iz Kotlasa, Chib'yu. 2 p. [His letters to V.N. Beneshevich. From Kotlas, Chib'yu. 2 pieces]. Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk [St. Petersburg Branch of the Archives of the RAS], F. 192, Op. 3, D. 172.
- Chernov G.A., 1956. New archaeological finds in the Pechora region. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 64, pp. 104–115. (In Russ.)
- Chirkov Yu.I., 1991. A bylo vse tak... [And it was all so...]. Moscow: Politizdat. 393 p.
- Garaevskaya I.A., 2009. Geolog Nikolay Nikolaevich Tikhonovich (1872–1952) [Geologist Nikolay Nikolaevich Tikhonovich (1872–1952)]. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvenny universitet nefti i gaza imeni I.M. Gubkina. 56 p. (Vydayushchiesya uchenye

